

«Мишневский затворник»

(К биографии А.Н.Креницына)

Споры вокруг имени Александра Николаевича Креницына (1801-1865 гг.), выдающегося поэта, но весьма интересной личности своего времени, утихли.¹ Едва ли его можно назвать декабристом², едва ли «репутация крамольного литератора»³ укрепилась за ним, едва ли А.С. Пушкин посещал поэта в его имении в Мишнево.⁴ Однако автор стихотворения «Сестре Н.Н.Креницыной, просившей у меня стихов в альбом», созвучного лермонтовскому «Смерть поэта» и человек, собравший и сохранивший богатейшие документальные материалы о декабристах⁵, заслуживает, чтобы в его биографии было меньше «белых пятен».

Настоящие заметки посвящены годам жизни А.Н.Креницына в Мишневе после 1828 года и основаны на архивных документах, вводимых впервые в научный оборот.

В 1828 году А.Н.Креницын получил наконец-то долгожданную отставку. 21 февраля Николай I подписал приказ об увольнении подпоручика Креницына «по домашним обстоятельствам», с указанием «иметь секретно под строгим наблюдением полиции»⁶, что и беспрекословно выполнялось.

В Государственном архиве Псковской области в фонде «Канцелярия Псковского губернатора» есть следующие сведения об А.Н.Креницыне: в списке состоящих под надзором полиции в Псковской губернии за 1828 год значится «уволенный от службы 18 егерского полка подпоручик Александр Николаевич Креницын - по Высочайшему его императорского величества повелению, изъявленному в секретном предписании господина управляющего министерством внутренних дел от 1 марта 1827 года за № 1207 поручено иметь секретно под строгим наблюдением полиции. Состоит под надзором в Новоржевском уезде Псковской губернии, содержания не получает». Из донесения новоржевского земского

исправника видно, что он 4 числа сего июля отправился в С.-Петербург вместе с братом своим Николаем и дядей - новоржевским помещиком 14 класса Дмитрием Философовым».⁷

Рапорт новоржевского земского исправника Псковскому гражданскому губернатору от 6 октября 1828 года: «Во исполнение предписания Вашего превосходительства от 29 числа прошлого сентября за № 8304, имею честь Вашему превосходительству донести, что подпоручик Креницын из Санкт-Петербурга в Новоржевский уезд в имение матери своей - село Заборье - возвратился в половине минувшего сентября месяца, где и ныне находится».⁸

Из рапорта новоржевского уездного исправника Псковскому гражданскому губернатору в октябре 1829 года: «...пребывающий в здешнем округе отставной подпоручик Александр Николаевич Креницын настоящее свое пребывание имеет Великолуцкого уезда в сельце Мишнево, в собственном своем имении, доставшемся ему как часть по разделу, почему ...разъяснить образ жизни его, поступков и вообще действий не могу, кроме того, что во время пребывания его в Новоржевском уезде замечена мною в нем большая молчаливость».⁹

Из рапорта Великолуцкого земского исправника Псковскому гражданскому губернатору от 15 октября 1829 года: «...жительствующий в имении своем отставной подпоручик Александр Креницын ведет себя хорошо, и знакомство продолжал с помещиками Борисом Шильдером и Николаем Пороховым, от роду ему 26 лет, семейства, кроме родственников, находящихся в Новоржевском уезде, не имеет; ныне же из имения своего переехал на время жительства в Новоржевский уезд к матери его, коллежской ассессорше Пелагии Креницыной, и во время жительства его в Великолуцком уезде переписки, кроме родных, ни с кем не имел».¹⁰

Петров Станислав Георгиевич – краевед (г. Великие Луки)

В ведомости о лицах, состоящих под надзором полиции в Псковской губернии, за 1833 год значится: «...отставной подпоручик Александр Николаевич сын Креницын - по Высочайшему его императорского величества повелению, объявленному в секретном предписании господина управляющего Министерством Внутренних Дел от 1 марта 1827 года, поручено иметь секретное и строгое за ним наблюдение со стороны полиции, жительство имеет Великолукского уезда в сельце Мишнево, содержание от казны не получает, имеет мать, жительствоющую в Новоржевском уезде, ведет себя хорошо».¹¹

Как известно, полицейский надзор с А.Н.Креницына был снят в начале 1836 года.¹²

Вероятно, во второй половине 1829 года поэт окончательно поселился в сельце Мишнево Великолукского уезда.¹³ Почему А.Н. Креницын получил от матери именно это имение? Сказать трудно, но нельзя согласиться с суждением А.А.Попова, что «Креницын получил село от родителей как бы в наказание»¹⁴, как и с мнением Н.М. Молевой: «В Мишневе не было ни богатства, ни размаха, ни даже самых простых удобств других псковских поместий семьи Креницыных».¹⁵

Имение, находившееся на правом берегу реки Большой Удрай, было достаточно удобным и уютным.

Вот как оно выглядело. Деревянный дом с мезонином на каменном фундаменте (в длину 10 сажень, а в ширину - 6). В нем было семь комнат с 16 окнами и 6 дверями с замками и медными ручками, с тремя кафельными печами, в мезонине две комнаты с дверьми и окнами; крыша из гонта.

Одноэтажный флигель на каменном фундаменте (длина -4 сажени, ширина -6). В данном помещении размещалась в двух комнатах кухня, две отдельные кладовые и подвал. Крыша также из гонта.

Глинобитный дом - так называемая семейная - состоял из двух жилых помещений с двумя печами и плитой (крыша из гонта).

Был и скотный двор - деревянная постройка с каменными столбами, с четырьмя воротами (длина двора - 15 сажень, ширина - 5). Крыша из соломы.

При скотном дворе имелась глинобит-

ная изба с тремя отделениями и печами (крыша из соломы).

Невдалеке располагался ледник.

Конюшня представляла собой деревянное строение на каменном фундаменте, с пристроенными к нему двумя деревянными сараями.

Зерносушилка - глинобитное строение, крытое соломой (длина его - 35 сажень, ширина - 5) на каменном фундаменте, с каменными столбами и с пятью воротами. В ней пять комнат.

Рядом - деревянный сарай для хранения хлеба, на каменном фундаменте (длина его - 33 сажени, ширина - 5 сажень), с каменными столбами, с четырьмя воротами. Сарай крыт тесом.

Далее размещался деревянный сарай для сена (длина -8 сажень, ширина - 4 сажени). Крыт соломой.

Птичник представлял собой деревянное строение (одна комната).

Амбар для хранения хлеба был деревянным на каменном фундаменте (длина - 12 сажень, ширина - 5 сажень) с навесом на 10 дубовых столбах. Крыт гонтом.

Вблизи размещался экипажный сарай (длина -12, ширина - 5 сажень) с навесом на 10 дубовых столбах. Крыт был гонтом.

Совсем близко находилась деревянная оранжерея с двумя отделениями и парниками.

А какой была баня? Деревянный сруб с одной комнатой и коридором.

Несколько на отшибе располагались две избы на каменном фундаменте, с двумя печами, крытые под одну кровлю и рядом с ними старый амбар.

Напротив пруда находилось два отдельных амбара, из них: один крыт соломой, а другой тесом. Первый: длиной - 9, шириной - 5 сажень. Второй: длиной и шириной - по 2¹/₂ сажени.

Старая кузница (длина - 3, ширина - 2 сажени). На трех десятинах земли в имении были два сада с плодовыми деревьями и огороды.¹⁶

Кстати, последние годы своей жизни дед Креницына, Савва Иванович, провел не в селе Цевло Холмского уезда, а в сельце Мишнево (еще в 1797 году последнее принадлежало дворянину Ивану Яковлевичу

Бойкову, а Савве Креницыну принадлежала соседняя деревня Корняки.¹⁷) Но уже в 1797 году в клировых ведомостях погоста Горки есть запись о владельце сельца Мишнево - коллежском асессоре Савве Креницыне, а в селе Цевло проживает «дворянка Елена Семенова жена Креницына».¹⁸ За 1799 год записи выглядят так: «сельца Мишнева владелец дворянин Савва Креницын и при нем дворовых людей мужского пола - 31, женского - 28» и «села Цевло владетельница оно, живущая вне, коллежская асессорша Елена Семенова жена Креницына».¹⁹ К слову, и в 1801 году в Мишневе С.И. Креницын живет один.²⁰ Вывод напрашивается такой: С.И.Креницын жил отдельно от своей супруги Е.С.Креницыной, уступив ей главное село фамильной вотчины - Цевло. Иждивением Саввы Креницына было построено каменное здание храма погоста Горки (близ Мишнева), о чем свидетельствовала надпись на медной табличке, которая находилась в стене близ южных дверей этой церкви: «в царствование Государя Императора Александра I начат сей храм в 1803 году, окончен в 1805 году и освящен в 1807 году, и построен вместо ветхого деревянного храма, пожертвовавшего в погост Цевло Холмского уезда, помещиком села Мишнева, прихода сего церкви - коллежским асессором Саввою Креницыным, на его средства, что удостоверяется грамотой члена Святейшего Правительствующего Синода, Архиепископа Псковского, Лифляндского и Курляндского Иринаея от 18 ноября 1807 года».²¹ (Сейчас этого храма - Введенской церкви - нет: разрушен до основания.)

Умер Савва Иванович 15 мая 1816 года, во втором часу дня, на 74-м году жизни. Похоронили его в приделе Иоанна Богослова Введенской церкви - храма, который он построил.²² Позднее, спустя 49 лет, около этого же храма найдет последний приют прах его внука - поэта Александра Николаевича Креницына.²³

Кроме Мишнева, где находилось 26 дворовых людей, А.Н. Креницыну принадлежали в 1828 году деревни Кошели, Корняки, Глазыри, Мякотино, Крипьянка, Петрушино, где проживали соответственно 27, 16, 20, 8, 12 и 25 крестьян - всего 134 души.²⁴ По данным 8 ревизии, в Мишневе и выше-

указанных деревнях было 159 человек²⁵ в феврале 1861 года (10 ревизия) - 205 человек.²⁶

В литературе, посвященной поэту, ничего не говорится о А.Н. Креницыне как помещике, он как бы оказался вне занятий и быта землевладельца. Вероятно, особых успехов на этом поприще он не снискал. (Вспомним запись в дневнике М.И. Семевского о Креницыне от 9 января 1863 года: «Страшный беспорядок в библиотеке, в управлении имением и домом».²⁷) Однако и этими занятиями не гнушался. Приобретались земли: например, в Великолуцком уезде пустоши Копейцыно (1843 г.) и Кривосеево (1848 г.)²⁸, в Холмском уезде - дача Коротетская (1854 г.)²⁹. В январе 1852 года купил на публичных торгах имение умершего капитана-лейтенанта Н.Н.Шишкина - сельцо Барсуки (Кулево Болото тож) близ Великих Лук (там проживало 10 дворовых и 37 крестьян обою пола, имелось 477 десятин земли).³⁰

Имеющиеся опубликованные и архивные материалы не позволяют реконструировать достаточно полно жизнь А.Н. Креницына в 30-е - 60-е годы XIX века: это поездки за границу в 1840 и 1852 году³¹, в Санкт-Петербург, избрание в 1850 году предводителем дворянства Холмского уезда³², знакомство с М.И.Семевским³³ -такова внешняя канва его жизни.

Внутренняя канва его бытия - чтение и постоянное пополнение богатой библиотеки в Мишневе³⁴, судьба которой не ясна. Племянник поэта - генерал-лейтенант Н.В. Креницын - в 1898 году сообщал: «Все это сокровище было передано М.И. Семевскому в один из его приездов в Мишнево, после смерти дяди в 1865 году, его наследником Закржевским».³⁵ А другой родственник - Д.В. Философов - заявлял, «что случилось с рукописями и громадной библиотекой, которую А.Н. Креницын собрал в Мишневе, неизвестно».³⁶

И, конечно, поэзия. Нужно согласиться с суждением А.А. Ильина-Томича, что «поэзия Креницына известна ныне далеко не в полном объеме».³⁷ На наш взгляд, рассмотрение творчества поэта, в том числе и «мишневского периода» возможно после опубликования всех сохранившихся его произведений. В настоящих заметках публикуются впервые в приложениях лишь три великолукских

стихотворения, автографы которых хранятся в РО ИРЛИ - «Ай да Луки!», «Человек и чин» и «Мировым посредникам А. Б. В. Г. Д. с товарищами».

Стихотворение «Ай да Луки!», подписанное псевдонимом «Подгородный житель» и датированное 18 ноября 1854 года³⁸, посвящено высмеиванию панегирической статьи о Великих Луках Н.В. Гербеля³⁹, критике внешнего вида городка, его городничего Л.К.Шульгина и местной знати.⁴⁰

Следующее стихотворение «Человек и чин» (посвященное великолукскому городничему Л.К. Шульгину) не датировано, но думается, что оно написано после 1855 года, ибо строфы

Мы в эру новую вступили...

Не дремлет добрый царь за нас!⁴¹
относятся к Александру II и началу его царствования, Николая I Креницын называл «суровым солдатом»⁴².

Стихотворение «Мировым посредникам А. Б. В. Г. Д. с товарищами», подписанное «Космополит» и датированное 1864 годом⁴³, посвящено критике великолукских мировых посредников:

И не люблю я Вас за то,
Что Ваши убежденья шатки,
Что Вам помещики - ничто,
Что к мужикам чресчур Вы падки...⁴⁴

Чем же вызвана такая, на первый взгляд, «ретроградная» позиция поэта? Ведь М.И.Семевский, хорошо знавший поэта в последние годы, писал в некрологе, посвященном памяти А.Н. Креницына: «Мир праху, честный и просвещенный человек и труженик! По образованию и убеждениям ты вполне принадлежал к тому ряду людей, лучшим представителям русского общества 1820 годов, из которого, за немногими исключениями, вышло так много истинных граждан России! Ты, как и они, любил отечество, страстно желал ему просвещения, мечтал о времени, когда порвутся путы крепостного рабства, нетерпеливо ждал свободы слова...»⁴⁵

Полагаем, что стихотворение «Мировым посредникам...» было вызвано обстоятельствами взаимоотношений освобожденных крепостных и их бывших владельцев. А они были далеко не идиллическими. Например, в самом Мишневе 31 октября 1862

года возник пожар, во время которого сгорел сарай с хлебом, общий ущерб составил 3380 рублей. В ходе разбирательства судебный следователь Великолуцкого уезда Данилов установил, что из-за строгого ведения хозяйства управляющей имения Креницына, дворянкой Динанбургского уезда Л.К. Боровской, бывшие крепостные завели на барщине разговоры о желательности поджога господского хлебного амбара. В этом деянии были обвинены бывшие крепостные крестьяне Креницына - Ефим Григорьев из деревни Кошелево, Михаил Яковлев из деревни Глазыри, Агафон Яковлев из деревни Мякотино (на последнего следствие улики не собралось, и он был отдан на поруки своего сельского общества). Однако и двух остальных Псковская палата уголовного суда признала «свободными от подозрения в совершении поджога».⁴⁶

Как же охарактеризовать годы «мишневского затворничества» А.Н. Креницына? Прав Д.В. Философов, когда писал об Александре Николаевиче: «Все, что было в нем ценного, оказалось никому не нужным», но ошибался, когда категорически резюмировал, что «(Креницын) разменялся на мелкие бумажки. Пушкины погибали, Креницыны прозябали».⁴⁷

Этот же вывод повторил Н.О. Лернер: «Все Николаевское царствование старый либерал тихо прозябал в своей деревне»⁴⁸, а Е. К. Степанов даже в одной своей публикации заявил, что из-за обрушившихся на него наказания и полицейского надзора «Креницын потерял охоту... «порок избличать».⁴⁹

Полагаем, что такие выводы обедняют облик «небольшого, но не бездарного поэта пушкинской поры».⁵⁰ Где мог, он действовал или пытался действовать: дает советы великолукскому городничему Л. К. Шульгину, принимает должность предводителя дворянства Холмского уезда, когда появляется такая возможность. Другое дело: он ничего не может реально изменить (смотрите в приложениях публикуемое по автографу, хранящемуся в ОР ИРЛИ, письмо А.Н. Креницына к Л.К. Шульгину от 7 августа 1852 года). Что ж, он разделил судьбу многих способных и даровитых людей царствования Николая I: они желали, но не могли.

Ай да Луки!*

(Посвящается П.А.Каратыгину)

Слава Богу! и Луки
(Хоть признаться не по праву)
С легкой Гербеля руки
И в почет войдут и в славу.

От Одессы щегольской
До губернии Иркутской
Светлой загорит звездой
Наш уезд Великолуцкий!

Гербель прозой путевой
Все в Луках Великих хвалит;
Наш бульвар лишь городской
Он щекоча, больно жалит!

Я согласен: плох бульвар...
Что пародия бульвара,
Он скорей бросает в жар
Чем бы защищать от жара.

Знаю также, что в Луках
Пытка просто мостовая,
Что ходить там ночью, страх!
Что фонарь там, вещь пустая...

И вполне я убежден
Что Луки, хоть город Русский
А пропитан крепко он
Язвой пагубной Французской!

И насчет Великих Лук
Мало ли проделок знаю?..
Но чтоб, высказать их вдруг
До поры... я отлагаю

Но в ком правдой грудь полна,
Тот со мною дружным кличем
Льва бесспорно Шульгина
Предпочтет всем городничим!

Прямодушен и умен
Лук краса он, совершенство!
Губит, жаль его...бостон
Подрывает... многоженство!

Смотри 244 номер С.-Петербургских Ведомостей на 2 ноября 1854г., где в фельетоне помещено 1-е письмо из похода Н.В. Гербеля из Великих Лук от 6 октября (Примечание М.И.Семевского)

Гербель прав, что не почтил
Добрым словом знати нашей...
Но кругом он согрешил
Пред чудесною Дуняшей!

А что душечка, она
И везде была б находка...
Вы спросите Шульгина:
Какова его красotka?

Дай же руку мне, улан!
Будем впредь с тобой друзьями
Ты Лучанок и Лучан
Распотешил как рублями!

Наш ничтожный городок,
Громкий промыслом когда-то...
Описал ты, как знаток,
Добросовестно и сжато.

Но поэт и доброхот,
Где в Луках, наш гость уланский,
Видел кафельный завод,
Клуб устроенный дворянский?

Есть там клуб, и с давних лет...
Дышит бедный еле, еле...
Но Дворянский он, иль нет
Я узнать не мог доселе.

Слава Богу! и Луки
(Хоть признаться не по праву)
С легкой Гербеля руки
И в почет войдут и в славу.

Подгородный житель

18.10.54

ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. Д. 1326. Лл. 1-2.

Человек и чин

(Посвящается Л.К.Шульгину)

В России искони уже века
Лицу предпочитают чин.
Что до меня, на человека
Я не сменю чины, Шульгин;
Майор ли ты, иль подполковник,
для Лук Великих все равно;
Лишь будь их счастья виновник
Да ими управляй умну...

А чтоб в спасительных границах
Тебе Луками управлять,
Купцов в ежовых рукавицах
Я бы советовал держать...
Преследуй лихоимство, зло...
И без того, избави Боже!
Здесь жить в Луках как тяжело...

Среди трудов твоих служебных,
И в мелочах неутомим,
Будь ты грозой непотребных,
В разврате не потворствуй им...
Клейми ты совесть подкупную,
Лови воришек и воров,
И в полночь самую глухую
Будь первый на беду готов!

Звездой сияй нам лучезарной!
Добро без устали твори;
Луки командую пожарной
Не отлагая подари;
Она, поверь мне, от пожаров
Для Лук полезнее стократ
Твоих заброшенных бульваров,
Твоих фантазий невпопад...

Займись как должно мостовыми,
Бездомного ты приюти...
И фонарями хоть простыми
Наш темный город освети...
Во мраке долго мы бродили,
Но вожделенный близок час...
Мы в эру новую вступили...
Не дремлет добрый царь за нас!

Пускай твои (замечу скромно)
Иллюминации смешат...
И транспоранты светят темно
И фейерверки не горят...
Большой на выдумки затейник
Ты предволен и тому,
Что наш, забавишь, муравейник,
Хоть часто и на зло уму...

Но эти мертвые гулянья
Среди мещанок и купчих,
Цыганок пляски, завыванья,
Скажи: что радостного в них?
И все от мала до велика,
В один мы голос все твердим,
Несносна Марковой музыка!
Ее мы слушать не хотим...

Два, три лишь слова в заключенье...
Шульгин! Как умный человек,
За честный труд твой, за служенье,
Не жаждай ты чинов вовек!
Не домогайся и отличий;
В твои лета к чему кресты?
Не забывай, мой городничий,
Что не дитя, муж зрелый ты!

ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. Д. 1326. Лл. 3-4 об.

Мировым посредникам А. Б. В. Г. Д. с товарищами

Гуманность Вашу я хвалю,
Хоть взгляд нередко Ваш порочен...
Как земляков - я Вас люблю,
Но как посредников - не очень...

И не люблю я Вас за то,
Что Ваши убежденья шатки,
Что Вам помещики - ничто
Что к мужикам чресчур Вы падки...

А как легко, подручно Вам,
Трудясь на пользу земледельцев,
Хотя бы с горем пополам
Полезным быть и для владельцев...

И что ж творите Вы?.. крестьян,
Лелея, чувствуя без меры,
Стрижете, как овец, дворян
На все лады, на все манеры...

Но что до братьев вам своих...
Вас, видно, для того избрали,
Чтоб Вы помещиков одних
Без милосердия терзали!

А Вас попробуй кто задеть
Вы в иступление придете...
И за украденную клеть
Разбой! грабеж! завопиете...

На съездах Ваших мировых,
Где здравый смысл в потемках бродит,
О, сколько горестно - смешных
И сцен, и прений происходит...

Сегодня глухи, как вчера,
На зов владельца без различья,
Вы отличатся мастера
Судом неправды иль двуличья...

Горой за мужиков всегда,
Дворян мороча неотступно,
Вам неужели, господа,
Одно мужицкое доступно?..

И грустно думать, между тем,
Что так потворствуя крестьянам,
Не угодили Вы ничем
Ни хлебопашцам, ни дворянам...

Иль мировые не впадут
И люди ловкие на шашни
Не труд Вам дорог, а оклад,
Оклад, кормилец Ваш всегдашний...

Да, без ума, конечно, тот,
Кто слепо верил Вам доселе...
Когда Ваш лозунг: с рук сойдет!
Девиз: семь пятниц на неделе!

Но Слава Богу! Близок час...
Владелец снова оживится
И добросовестно, без вас,
Своим добром распорядится...

И так - совет примите мой...
Гуманны, сердобольны будьте,
Но ради Девы Пресвятой,
Что Вы, посредники, - забудьте...

Космополит

1864

с. М[ишнево]

ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. Д. 1326. ЛлЛ. 5-6.

Письмо А.Н. Креницына к Л. К. Шульгину

7 августа 1852 года. Г. Холм.

Многоуважаемый Лев Кондратьевич!

Не успели вы еще очнуться от июньских моих куплетов, как посылаю вам новые июльского печения. Этот стихотворный ералаш, написанный мною в самый день получения вашего письма из Великих Лук с приложением прелестного осьмистишия всегда умного и везде находчивого П.А.Каратыгина, если далеко недостоин вас и автора «Знакомых Незнакомцев», то послужит, по крайней мере, слабым отголоском того чувства живейшей признательности, коим я преисполнен к вам за присылку драгоценного листка, и некоторым ответом на осьмистишие П.Андреевича, за которое охотно отдал бы я 80 стихов великолуцкого и холмского моего изделия. Во всяком случае прошу вас верить, что столь же дорого ценю вашим добрым ко мне расположением, сколь дорого ценю одобрением и поклоном такого человека, как П.А. Каратыгин, которому глубоко благодарен за сделанный мне подарок, в свою очередь бью челом от чистого сердца, что при первой оказии и прошу вас ему от меня передать.

Сожалея искренне, что вы отказали мне на этот раз в душевном наслаждении прочесть начало письма П.Андреевича вами без меня полученного, я догадываюсь, что одно чувство деликатности этому причиной.

П. А. Каратыгин, зная подноготную всех закулисных тайн и лиц, пользующихся печальною известностию в столице, при получении первых моих куплетов, вероятно, сообщил вам некоторые сведения о П. Н. Креницыне, которого едва ли не знает половина петербургского народонаселения; но как знает, это другое дело. Вы не хотели, разумеется, огорчить меня резкою, но достойною биографией жалкого существа, которого поочередно и не раз перо и карандаш клеймили заслуженным позором, носящего со мною одну фамилию и связанного со мною, к стыду всего нашего семейства, узами ближайшего родства. Но, во-первых, в семье не без уroda; а, во-вторых, я при этом случае кстати расскажу вам в немногих словах давнюю мою встречу с бессмертным нашим покойником А. С. Пушкиным. Это было, если не ошибаюсь, в 1833 году, а местом действия петербургский Английский клуб. После беседы о тогдашних литературных новостях и о Баратынском, старом моем друге и товарище по Пажескому корпусу (талант которого, замечу мимоходом, А. С. ценил высоко), он, быстро взглянув на одного из играющих в карты в той комнате, где мы находились, спросил меня скороговоркою:

— А эта курносая образина с нависшими бровями неужели тебе брат?

— Да, он мне брат, Но я не виноват, -

отвечал я ему с некоторым смущением, смешанным с досадою, на что Пушкин мне тотчас возразил:

— Виват, поэт, виват!

Хоть ты не рад,

Что брату брат...

И этим кончился наш разговор с Пушкиным, и тем кончаю до свидания моего с вами и я беседу о человеке, близкого мне по крови, но вовсе чужого по чувствам, действиям и наклонностям, коими он заслужил такую незавидную репутацию.

Вчера было у меня на квартире Дворянского Собрания собрание по предмету водворения бессрочноотпускных и отставных солдат к помещичьим имениям. Большинство мнения Холмских дворян совершенно противоположно этой мере правительства, исключая одного помещика Друковцева, отставного жандармского офицера.

Много было общих мест и ни одного дельного суждения, а двое разглагольствовали без всякого смысла и мысли, хотя исправно писали ногами мыслете. Желая одним ударом прекратить это вавилонское столпотворение, я предложил собравшимся дворянам выслушать мнение одного из самых мыслящих и основательных людей Холмского уезда, коллежского советника Василия Васильевича Голенищева - Кутузова, которое я прочел сам. Превосходно написанное и глубоко обдуманное мнение это, изложенное с совершенным знанием дела, произвело магическое свое действие. Все единогласно отдали ему заслуженную справедливость полным своим соглашением. Составили журнал, все подмахнули под ним свою фамилию (а в том числе и Друковцев) и конец собранию. А вот вам новинка, и на этот раз для Холма самая отрадная; эта новинка заключается в лице здешнего Холмского городничего Григория Николаевича Энгельгардта, с которым можно беседовать с удовольствием и после Великолуцкого городничего Льва Кондратьевича Шульгина. Чтобы дать вам некоторую идею об этом человеке, который займет светлую страницу в темной истории г.Холма, я наскоро набросаю его портрет:

Он ростом видный молодец,

Мужчина статный и красивый,

В Правлении лихой делец,

Градоначальник справедливый

И остроумьем одарен,

Ему знаком язык французский...

Хоть по фамилии немец он,
Без примеси, душою Русский!
Понравился ли я ему?
Сказать по правде вам, не знаю,
Но часто, к счастью моему
Я у себя его встречаю;
О том, о сем (нам лезть чужда!)
Мы с ним свободно рассуждаем,
А там, как водится всегда,
Напропалую козыряем!

А козыряем мы в вист - преферанс и в молчанку. Ежедневная и обыкновенная наша партия состоит из трех лиц: городничего, аптекаря Адольфи и меня. О городничем говорил я выше, о себе ни слова, по давно избитой поговорке: в своем деле нет судьи, а что касается до аптекаря Адольфи, то смело и торжественно скажу вам, что этот человек с светлым умом, олицетворенная честность, добрейшее существо по душе, остер и колок на язычок, хлебосолом не по средствам, может служить верным подобием нашего примерного во всех отношениях немца Карла Ивановича, и по сущей справедливости заслуживает прозвания Холмского Верле. Все эти достоинства, разумеется, не мешают ему играть в карты самым позорным образом, и на перекор постоянно энергической его игры, которая проявляется в каждой жилке его тощего тела, особенно когда она в руке, и у него сильная в руках масть. Несмотря на то, что мой немец привел бы в раздражение своими ходами и выходками самого флегматичного из англичан (а у меня отнял, конечно, немало жизни), я играю с ним с таким же наслаждением, с каким читаю стихи Пушкина. И надо признаться, что

С Адольфи в преферанс играть
Такое в мире наслажденье,
Которое однажды дать
Одно лишь может Провиденье!
Преферансисты! в Холм скорей,
Хоть жить и скучно здесь, и худо.
Потешит вас игрой своей
Адольфи тут, осьмое чудо!
Не видя в картах ничего,
Как злы у немца эпиграммы,
Так смирны все тузы его,
А с ними короли и дамы!
И впрямь несчастный человек,
Что губит резанья система,
Он свой достопочтенный век
Ни одного не сделал шлема!

И дожить до седых волос, не сделав ни одного шлема, да это такой унглик, от которого неаполитанское небо покажется мрачнее петербургской осени!

Еще одна новость, касающаяся собственно до меня, и вовсе для вас не любопытная. На днях я едва не лишился жизни. Ездил я купаться и возвращался на мою квартиру, как по неосторожности кучера лошади меня вдруг понесли прямо в крутовраг к реке. К счастью, по неровности места коренная, споткнувшись, упала, а с нею опрокинулась пролетка, и я перелетел чрез своего поваренка, сильно расшиб себе правый бок и переломил сустав пальца на левой руке. Я едва успел сказать два слова: «Прощай, Париж!», как, оглушенный падением, лежал на земле без чувств.

Кстати о Париже; порадитесь за меня. Я получил отпуск на заграничную поездку и в сентябре думаю пуститься вдаль морем, из Петербурга в Штетин. Понимается, что я не забыл данного вами слова посетить меня к 30-му августа в великолуцкой моей усадьбе, где во всякое время и всякий час готов встретить и принять вас как лучшего моего гостя.

Простите меня великодушно за это бесконечное маранье, но что прикажете делать? Я не умею быть лаконическим с теми, кого привык любить и уважать. Если моя многоречивость вам и накладна, то на душе моей так хорошо, как давно не было...

Обнимаю вас от всего сердца.

Вас вполне уважающий и неллицемерно вам преданный, покорный слуга Александр Креницын.

P.S. Извините и не осудите за одну собственную подпись этого полновесного послания. Я еще чувствую себя весьма слабым, вследствие моего падения, и с трудом держу перо в руке. Но на всякий случай долгом считаю известить вас, что холмский мой карантин продолжится до 22 августа.

Сейчас получил из Пскова отношение А. П. Черкасова о даровании мне Высочайшего отпуска в Киссинген и на юг Европы на шестимесячный срок. Это известие, сколько меня ни радует, не изменит предполагаемого намерения остаться в Холму до вышеозначенного числа, и тем более, что 20-го этого месяца я открываю предварительное уездное собрание по случаю губернских выборов на будущее трехлетие.

ИРЛИ. Ф.265. Оп. 2. Д. 1328. ЛЛ.1-4.

Примечания

1. Лучшее изложение биографии «Мишневского затворника»: *Степанов Е.К.* «Мне дорог край родной» (А.Н.Креницын) // Русская литература. 1980. №4. С. 122-130; *Ильин-Томич А.А.* А.Н.Креницын//Русские писатели. 1800-1917. Биографический словарь М., 1992. Т 2. С. 144-145.
2. *Попов А.А.* Декабристы - псковичи. Л., 1980. С. 188-189.
3. *Молева Н.В.* Архивное дело № ... М. 1980. С. 302.
4. Декабристы. Биографический справочник. Издание подготовлено С.В. Мироненко. М., 1988. С.90. *Черейский Л.А.* Пушкин и его окружение. Изд. 2-е, доп. и перераб. Л., 1989. С. 213 (Правда, с отсылкой, «по словам его племянника Н.В.Креницына). Критику сообщения Н.В. Креницына см.: *Петров С.* В Великих Луках. Великие Луки, 2004. С. 11-12.
5. *Ильин-Томич А.А.* А.Н. Креницын, с. 145.
6. *Степанов Е.К.* «Мне дорог край родной» (А.Н.Креницын), с. 125.
7. ГАПО. Ф.20. Оп.1. Д. 743. Л. 28.
8. ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 743. Л. 33.
9. ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д.743. Л. 73.
10. ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 743. Л. 76.
11. ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1105. ЛЛ. 2 об.-3.
12. *Степанов Е.К.* «Мне дорог край родной» (А.Н.Креницын), с.126.
13. В клировых ведомостях церквей г. Великие Луки и Великолуцкого уезда за 1828 год записано «сельца Мишнева помещицы Пелагеи Креницыной дворовые люди» (ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 447. Л. 63 об.), а в ведомостях за 1829 год сказано «в сельце Мишневе живет помещик поручик Александр Николаев Креницын» (ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 448. Л. 83 об.). 25 июля 1829 г. поэт находился еще в имении матери - селе Заборье Новоржевского уезда. Этой датой (с указанием на данное место пребывания) датировано стихотворение Креницына «А.А. Ивановскому, обещавшему мне несколько рукописей К.Ф. Рыльева» (РО ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. Д. 1325. Л. 1 об.).
14. *Попов А.А.* Псковичи - декабристы, с. 190.
15. *Молева Н. М.* Архивное дело №... с. 302.
16. *Петров С.* Великолуцкая старина. Великие Луки, 1999. С. 145-146.
17. ГАПО. Ф.39. Оп.1450. Лл. 561,571.
18. ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 420. Лл. 26, 142.
19. ГАПО. Ф. 39. Оп. 1 . Д. 421 . Лл. 42 об., 236 об.
20. ГАПО. Ф. 39. Оп. 1 . Д. 422. Л. 26 об.
- 21 . ГАПО. Ф. 39. Оп. 1 . Д. 472. Лл. 215-21 5 об.
22. *Шереметевский В.В.* Русский провинциальный некрополь. М., 1914. Т. 1. С. 445.
23. Там же.
24. ГАПО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 38. Лл. 359- 359 об.

25. ГАПО. Ф. 58. Оп. 1. Д. 2367. Лл. 98 об - 99.
 26. ГАПО. Ф. 58. Оп. 1. Д. 1923. Л. 55.
 27. Степанов А.Н. У книг своя судьба... Л., 1974. С. 55.
 28. ГАПО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 456; д. 481.
 29. ГАПО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 6938.
 30. ГАПО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 579. Лл. 1 -2 об.
 31. Племянник А.Н.Креницына - Владимир Дмитриевич Философов - отмечает в своем дневнике 22 сентября 1840 г.: «Видел Алекс. Ник. Креницына, который едет в Париж ко дню приезда Наполеонова тела(...)» (Цит. по: Философов Д.В. Старое и новое. М., 1912. С. 136 (примечание 2). Сам А.Н. Креницын сообщает в письме (7 августа 1852 г.) из г. Холма великолукскому городничему Л.К. Шульгину: (... порадитесь за меня. Я получил отпуск на заграничную поездку, и в сентябре думаю пуститься вдаль, морем из Петербурга в Штетин». (РО ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. Д. 1328. Л. 4).
 32. Степанов Е.К. «Мне дорог край родной» (А.Н.Креницын), с. 126-129.
 33. Степанов Е.К. У книг своя судьба... с. 42-60.
- О самом факте знакомства Креницына и Семевского автор сообщает так: В 1857 году М.И. Семевский издал в Санкт-Петербурге первую свою книгу - «Историко-этнографические заметки о Великих Луках и Великолуцком уезде». «Книга сделала имя Семевского известным среди его земляков. Вероятно, в то время и зародились дружеские отношения Креницына с автором исторического труда о родном для них Великолуцком уезде» (С. 48-49). Разумеется, довольно убедительная гипотеза, которая, впрочем, никак не может исключать и другой: Креницын и Семевский познакомились до выхода в свет «Историко-этнографических заметок». Почему? В них Семевский цитирует четверостишие из стихотворения А.Н.Креницына «Ай да Луки!». В этой же книге создатель «Заметок» благодарит Л.К.Шульгина, великолукского городничего и хорошего знакомого Креницына, за сведения о Великих Луках в 1856 году (см.: Семевский М.И. Историко-этнографические заметки о Великих Луках и Великолуцком уезде. СПб., 1857. С. 84,117-118). Так что имеет право на существование предположение: Креницына с Семевским познакомил Шульгин. Отнюдь не такой уж невероятной выглядит и гипотеза, что Семевский получил рекомендательное письмо к Креницыну от Я.И. Ростовцева, которому посвятил свои «Заметки».
34. Креницын Н.В. А.Н.Креницын // Русский архив. 1898. № 8. С. 648.
 35. Там же.
 36. Философов Д.В. Старое и новое, с. 136.
 37. Ильин-Томич А.А. А.Н. Креницын, с. 145. Здесь же приводится список опубликованных и хранящихся в РО ИРЛИ стихотворений «мишневского периода»
 38. РО ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. Д. 1326. Л. 2.
 39. Санкт-Петербургские ведомости. 1854. № 244. 2 ноября.
 40. РО ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. Д. 1326. Лл. 1-2.
 41. РО ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. Д. 1326. Лл. 4-4 об.
 42. Звенья. М.; Л., 1936. С. 794. См.: Степанов Е. Нет, не таким был Креницын! //Дружба народов. 1982. № 9. С. 269.
 43. РО ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. Д. 1326. Л. 6.
 44. Там же, л. 5.
 45. Санкт-Петербургские ведомости. 1865. №241. 16(28) октября.
 46. ГАПО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 958. ЛЛ. 1 -5 об., 36, 50 об., 65 об.
 47. Философов Д.В. Старое и новое, с. 137- 138.
 48. Лернер Н.О. Из старинной летучей литературы // Звенья. М.; Л., 1936. С. 796.
 49. Степанов Е. Нет, не таким был Креницын! //Дружба народов. 1982. № 9. С. 269.
 50. Лернер Н.О. Из старинной летучей литературы, с. 796.